

Почему?

Когда она взяла мой текст в руки, еще и не пролистывая, вздохнула: «Вот все думают, что написать диссертацию – это тридцать три каменных хлеба изгрызть и тридцать три пары каменных башмаков истоптать. Нет. Похоже на дело будет, только когда научный руководитель испишет тридцать три карандаша и сотрет тридцать три ластика».

В моем случае получилось, наверное, шестьдесят шесть карандашей и шестьдесят шесть ластиков. Над моим текстом работали и научный руководитель Сергей Юрьевич Неклюдов, и добрая волшебница Елена Сергеевна.

Носила ей карандаши и ластики ровно потому, что она так сказала. Елена Сергеевна смеялась, но дары принимала.

* * *

В каком году было – не помню. Я у нее в гостях. Принесла чью-то рукопись из университета по ее просьбе.

Мы пьем кофе, курим и разговариваем. О науке, не о науке, о погоде, о коте, о моей никчемной жизни, о том, как она попала в РГГУ... она рассказывает про поле, про свою жизнь...

В комнате от нашего курения дым такой густой, что можно ножом резать.

Я спохватываюсь: время 22:30 – надо идти ведь.

Она:

– Ты спешишь?

– Нет, но час поздний. Не хочу воровать у вас время.

Она сморщила носик и улыбнулась:

– Лен, посиди со мной еще! Я вас всех так люблю...

Елена Жигарина

Елена Сергеевна и Гирц,
которого мы наконец поняли

Много историй вспоминается про Елену Сергеевну. Замечательный специалист по малым народам Сибири, знаток сибирских традиций, автор прекрасной книги «Обряд и фольклор в сибирском шаманизме», она была человеком, как бы это сказать, с редкой способностью предельно ярко мыслить и кристаллизовать свою или чужую мысль в одном ярком и доступном предложении. Как она «переформатировала» мысли аспирантов, которые, как манная каша, размазанная по тарелке, подносились ей из серии «вот тут мне пришло в голову»!

Я помню, в те времена Золотого века, когда гора Сумеру была холмиком, Мировой океан – лужицей, а мы – аспирантами, был организован семинар, на котором мы должны были реферировать работы хм... больших мыслителей.

И вот Сергей Юрьевич уехал в командировку и оставил нас на Елену Сергеевну. Мы почувствовали наступление легкой жизни. Вот идет семинар, Елена Сергеевна с закрытыми глазами и доброй улыбкой дремлет в кресле, аспирант, ну назовем его Петя, делает, запинаясь, доклад по Гирцу. Я и сейчас не очень поверю тому человеку, кто скажет, что он а) понимает Гирца, б) умеет применять его концепции, а тогда и подавно изложение Гирца словами аспиранта Пети звучало как плохое переложение египетских текстов пирамид – вроде красиво, но ничего непонятно.

Петя доклад закончил, все облегченно вздохнули, Гирц практически покинул наши мозги, и тут Елена Сергеевна открыла один глаз, ласково так посмотрела на аспиранта Петю и сказала:

«Я вот из вашего пересказа ничего не поняла. Давайте спросим аудиторию».

Опрос аудитории показал, что Гирц и мы в разных Вселенных.

«Хм, – сказала Елена Сергеевна, – разбирать Гирца можно было бы так...»

И дальше прозвучал лучший в моей жизни разбор Гирца – невероятно четкий и прозрачный. Мы сидели с разбором Гирца весь вечер до поздней ночи, и ушли мы тогда с ощущением, что нас не только заставили думать, но это даже и получилось. Оставшиеся две недели мы готовились к семинару у Е.С. как ненормальные. Помню, как я даже жаловалась на это вернувшись С.Ю.

И почему я это написала? Потому что, видимо, неслучайно Е.С. стала одним из ярчайших представителей структурализма в этнологии и фольклористике. Это не просто поиск структур в текстах культуры, это прежде всего – умение структуризировать то, что у тебя в голове. Такое умение – на самом деле то «главное», что нужно ученому. А концепции с Гирцем и Бурдые приложатся.

Александра Архипова